

Серебряный двухпенсовик, позвякивая, заплясал на стойке, пока Овидайя Челон не остановил его движением указательного пальца. Взяв в руки монету, он окинул взглядом хозяйку кофейни.

— Доброе утро, мисс Дженнингс.

— Доброе утро, мистер Челон, — ответила женщина. — Жутко холодно для сентябрьского утра, вы не находите?

— Что ж, мисс Дженнингс, я бы сказал, не холоднее, чем на прошлой неделе.

Она пожала плечами.

— Что будете?

Овидайя протянул ей монету:

— Большую чашку кофе, пожалуйста.

Мисс Дженнингс взяла монету и нахмурилась, поскольку это был один из старых кованых двухпенсовиков. Повертев серебряную монету, она, по всей видимости, пришла к выводу, что края стерлись не слишком сильно, и положила ее в кассу. На сдачу она вручила Овидайе бронзовую кофейную марку.

— Пенни не будет? — спросил он, прекрасно зная, каким будет ответ. С тех пор как люди стали плавить мелочь, чтобы продать содержащееся в ней серебро, она стала редкостью. Поэтому с недавних пор на сдачу давали только эти проклятые марки.

Мисс Дженнингс привычно изобразила на лице сожаление.

— Я уже несколько недель ни единого пенни не видала, — ответила она. — В этом королевстве они постепенно становятся большей редкостью, чем хорошая погода.

Насвистывая себе под нос мелодию уличной песенки про кузнеца, хозяйка кофейни направилась к камину и взяла один из высоких черных железных чайников, стоявших у огня. Вскоре после этого она вернулась обратно с плоской миской и протянула ее Овидайе.

— Благодарю. И скажите, не приходила ли для меня почта?

— Минутку, я посмотрю, — отозвалась мисс Дженнингс и направилась к открытому шкафу из темной древесины, в котором стояло несколько ящиков для писем. Пока она искала для него корреспонденцию, Овидайя сделал первый глоток кофе. Вернувшись, женщина вручила ему три письма и бандероль. Последнюю он поспешно спрятал в карман сюртука, взглянув на имя отправителя. Затем поставил чашку на стойку и принялся за письма. Первое было от Пьера Бейля из Роттердама, и, судя по объему, в конверте было либо очень длинное письмо, либо новейшее издание «*Nouvelles de la République des Lettres*»¹. Второе пришло от женеvского математика, третье — из Парижа. Он почитает их позже, в спокойной обстановке.

— Спасибо вам, мисс Дженнингс. А вы не знаете, новое издание «Лондон гезетт» уже поступило?

— Лежит вон там, на последнем столике рядом с книжным шкафом, мистер Челон.

Овидайя пересек комнату. Шел лишь десятый час утра, и кофейня Манфреда была еще относительно пуста. За столом рядом с камином сидели двое одетых в черное мужчин без париков. По их кислым лицам и приглушенным голосам Овидайя решил, что перед ним отступники из числа протестантов. В другом конце зала, под одной из картин с изображением морского сражения при Кентиш-Нок², сидел молодой щеголь. Он был одет в коричнево-желтый бархатный сюртук, а на рукавах и чулках у него было больше ленточек, чем у версальской придворной дамы. Других посетителей в кофейне не было.

Овидайя отложил в сторону шляпу и трость, сел на пустую скамью и отпил кофе, листая «Гезетт». В Саутуарке, судя по всему, был крупный пожар; кроме того, в газете писали о воз-

---

¹ «Новости республики ученых» (фр.). (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

² Морское сражение Первой англо-голландской войны, состоявшееся 28 сентября (8 октября) 1652 года между английским флотом и флотом Соединенных провинций в районе отмели Кентиш-Нок в 30 км к востоку от устья Темзы. (Примеч. ред.)

мущениях относительно одной книги, в которой описывались приключения куртизанки при королевском дворе и которую Карл II собирался запретить. Овидайя зевнул. Все это его совершенно не интересовало. Он вынул из кармана своего сюртука набитую глиняную трубку и направился к камину, где взял из маленького ведерка щепку и поднес к огню. Затем вернулся на свое место, дымя трубкой. И только он собрался взять в руки один из разложенных на столе памфлетов, призывавших вздернуть всех отступников и папистов или по крайней мере надолго засадить за решетку, как дверь открылась. В помещение вошел мужчина лет пятидесяти с обветренным лицом, сильно изуродованным оспой. У него были белоснежные бакенбарды, не слишком подходившие по цвету к темно-коричневому парикю, на голове — шапка в голландском стиле.

Овидайя приветливо кивнул ему:

— Доброе утро, мистер Фелпс. У вас есть новости?

Джонатан Фелпс торговал тканями, у него были торговые связи в Лейдене и даже во Франции. Кроме того, у него был брат, работавший на секретаря адмиралтейства. Соответственно, Фелпс всегда лучше всех знал, что сейчас происходит как в Англии, так и на континенте. Торговец кивнул, сказал, что сначала купит кофе, а потом все расскажет. Вскоре он вернулся с чашкой кофе и тарелкой имбирного печенья и сел напротив Овидайи.

— О чем хотите послушать сначала — о кофейных сплетнях или о новостях с континента?

— Сначала сплетни, будьте так любезны. Для политики еще довольно рано.

— И чертовски холодно, клянусь черепом Кромвеля. Уверен, это самый холодный сентябрь за всю историю человечества.

— Что ж, сегодня утром не холоднее, чем на прошлой неделе, мистер Фелпс.

— Откуда вы знаете?

— Делаю измерения.

— Какие измерения?

— Вы знаете Томаса Томпайона, часовщика? С недавних пор он делает еще и термометры. С их помощью можно точно

измерить температуру. Сегодня утром, к примеру, ровно в семь часов утра, столбик ртути находился на отметке «девять».

Овидайя вынул маленький блокнот и принялся листать его.

— Поэтому, как мне кажется, сегодня не холоднее, нежели неделю назад, четырнадцатого сентября, когда я измерял температуру в то же время и в том же месте.

— Вы со своими безумными экспериментами... Зачем вы это делаете? — поинтересовался Фелпс в перерыве между двумя имбирными печеньями.

— Хороший вопрос. Возможно, из общего естественно-философского интереса. Последнее, однако же, для того, чтобы ответить на ваш вопрос.

— А разве я о чем-то спрашивал?

— По крайней мере косвенно, мистер Фелпс. Вы задались вопросом, не слишком ли холодно сегодня, 21 сентября 1683 года. Кстати, чтобы объективно ответить на ваш вопрос, нужно было бы располагать аналогичными данными за прошлые годы.

Фелпс склонил голову набок:

— Вы теперь остаток жизни собираетесь записывать каждый день, насколько сегодня тепло или холодно?

— И по вечерам тоже. Кроме того, я записываю погодные условия — дождь, ветер, туман. И я в этом не одинок. Вы знаете мистера Хука, секретаря Лондонского королевского общества?

— Слыхал о нем. Не тот ли это джентльмен, из-за которого поднялся такой шум, когда он среди бела дня вырезал дельфина на одном из кофейных столиков в «Гресиан»?

— Вы путаете его с мистером Хэлли, дорогой друг. Хук скорее интересуется животными помельче — и мерзкой английской погодой. Поэтому он стал вдохновителем идеи, чтобы люди во всем королевстве ежедневно измеряли температуру и присылали ему результаты. На основании этих данных он хочет создать что-то вроде погодной карты. Говорят, через несколько лет благодаря этому можно будет даже ответить на вопрос, стало теплее или холоднее. Восхитительно, вы не находите?

— Для такого ученого, как вы, мистер Челон, возможно. Мне же при мысли об этом дурно становится. Если уж жители Лондона не смогут больше спорить о погоде, что же нам остается?

Овидайя улыбнулся и отпил еще глоток кофе.

— Кстати, вы хотели рассказать мне о своей добыче за сегодняшнее утро, мистер Фелпс.

Как и Овидайя, торговец тканями ежедневно обходил кофейни. Насколько он знал, с утра Фелпс заходил сначала в «Ллойд», чтобы получить там сообщения с судов и поговорить с некоторыми капитанами. Второй остановкой на его пути был «Гэрроуэй», где около восьми часов утра проходил утренний аукцион тканей из Спиталфилдса и Лейдена. Кроме того, здесь он узнавал последние новости о текстильных изделиях и других товарах. Затем Фелпс заходил на Шу-лейн, в «Мэнсфилд», наверное, в первую очередь ради имбирного печенья.

— Цены на древесину резко пошли вверх. Из-за голландцев.

— Потому что они строят так много кораблей?

— В том числе. Но в первую очередь из-за того, что люди опасаются: скоро дерева не будет хватать. Большую часть поставляют Франция и Генеральные штаты. Если между ними начнется война...

— Вы считаете это возможным?

— Сегодня утром я встретил гугенота, месье дю Кроа. Он тклет лен там, в Спиталфилдсе, и у него остались связи на родине. Судя по всему, христианнейший король, — произнося эти слова, Фелпс посмотрел Овидае прямо в глаза, чтобы убедиться в том, что собеседник наверняка заметит сарказм, — поставит Испанским Нидерландам какие-то невыполнимые требования. Людовик XIV требует контрибуции для содержания своего большого войска, что-то вроде того. Многие полагают, что это лишь прелюдия к нападению Франции на Голландскую республику.

Фелпс задумчиво поглядел на Овидайю.

— Мистер Челон, вы позволите мне задать несколько бестактный вопрос: не инвестировали ли вы в дерево?

«Да, инвестировал, — подумал Овидайя. — А кроме того в соль, сахар, канадские бобровые шкуры, китайский фарфор